
СЕМЁН ШУРТАКОВ

О НАШИХ ГЕРБАХ

В советском гербе, в самом центре его, чётко виделись два главных символа того времени, исполненных глубокого смысла, – серп и молот. Символы эти многозначны: серп – это и село, и поле, и хлеб; молот – город, завод, машины. А тесно перевитые орудия труда селян и горожан символизировали их нерушимое, неразрывное родство-братство, на котором, как на прочном фундаменте, только и может стоять государство.

И это сказано лишь о вещах сугубо материальных, чуть ли не о производственных. А ведь деревня вскормила город хлебом не только насущным, но и духовным – поэзией народных песен, красотой хороводных танцев, мудростью сказок, уроками высокой нравственности. Да и наше великое национальное достояние, наш русский язык веками складывался и сложился разве не в деревне?

Сделаем небольшое отступление в недавнее прошлое.

Грандиозная скульптура Веры Мухиной на Всемирной Парижской выставке в 1937 году, как известно, произвела небывалый фурор. Хотя ничего экстравагантного, останавливающего внимание в скульптуре вроде бы не было. Молодые, полные сил и энергии рабочий и крестьянка, шагая широко и стремительно, идут, держа в руках: она – серп, а он – молот... Нет, я неправильно выразился: они не просто держат в руках символические орудия труда – они высоко подняли их над головой и несут, как знамя! Тут кто-то может хмыкнуть: знамя – не слишком ли громко? Нет, не слишком. Ведь честно и успешно работающие люди в те годы были у нас самыми известными и самыми чтимыми. Писатели делали их героями своих романов и поэм. Их имена славило на всю страну радио. Их портреты украшали страницы журналов и газет, издававшихся миллионными тиражами. И не надо думать, что славились прежде всего и больше всего работники, так сказать, физического труда, вроде кузнеца Горьковского автозавода Александра Бусыгина или шахтёра Алексея Стаханова. Воздавалась честь и слава учителям, врачам, художникам и учёным.

Люди, понимающие толк в искусстве ваяния, все как один выделяли и подчёркивали тот широкий и как бы устремлённый в будущее шаг, который придавал особо выразительную динамику всей скульптурной композиции Мухиной. Кому-то он виделся шагом первого государства рабочих и крестьян, выходящего на арену мировой истории. Другие видели в нём конкретный шаг страны, приступившей к так необходимой ей индустриализации, без чего нам бы не выстоять в грядущей войне. Были и такие, кто прозревал время так далеко, что в этом стремительном шаге видел будущий прорыв в космос. Таких прорицателей, естественно, высмеивали, однако же прошло не так уж много лет, как их фантастические прорицания стали свершившимся фактом. Именно наш советский человек по имени Юрий Гагарин первым преодолел земное притяжение и взмыл к звёздам.

А теперь, наверное, можно и вернуться к государственному гербу.

Как легко понять из только что сказанного, наша страна в тридцатые годы добилась серьёзных успехов. Немало умных, трезво мыслящих людей даже считает, что такого могущества, как при Сталине, при советской власти, она не имела за всё своё тысячелетнее существование. Достаточно вспомнить войну. Если исходить из того, что такой страшной кровопролитной войны ещё не бывало, и в этой войне не нас, а мы врага победили, то одно это уже говорит о многом.

Общепринято считать, что воевали Советский Союз и Германия. Однако же формулировка сия требует важного уточнения. Прежде чем напасть на нас, Гитлер – употребим здесь исконно русское выражение – подмял под себя соседнюю Францию и несколько других стран Европы. В составе войск вермахта были и венгры, и итальянцы, и румыны... надо ли всех перечислять?.. На стороне Германии был промышленный и продовольственный потенциал почти всей Европы, а ещё и немалый опыт ведения современной войны.

Мы всё же не уступили, выстояли.

Однако же по меньшей мере глупо рисовать эту идилическую картину: препроводили непрошенных гостей аж до самого Берлина, 9 мая 1945 года отпраздновали День Победы и вернулись к прежней жизни. Препжней жизни не было и быть не могло. Города и селения – в руинах, экономика страны – в разрухе. И если куда меньше разрушенной Германии наш вчерашний союзник Америка не замедлила предложить помощь – к нам никто и ниоткуда с какой-либо помощью не поспешал.

Где взять средства на восстановление страны? Индустриализация, если вспомнить, была проведена за счёт деревни. Может быть, и сейчас так сделать? Но деревня обезлюдела: больше половины солдат, не вернувшихся с полей войны, были из деревни. И всё же... Всё же деревня постепенно оживала, восстанавливалась. Но – подоспела новая беда. Один из генсеков, возомнивший себя знатоком земледелия и получивший в народе звание “кукурузника”, додумался до того, что обложил налогом не только собственную корову колхозника, но и овец, даже – словно бы курам на смех! – яйца, которые куры несли.

Случались и другие завихрения, вроде деления сельских поселений на перспективные и неперспективные. Но деревня наша и на этот раз устояла.

Шли годы. Страна, залечив нанесённые войной раны, выходила, как тогда писали, на новые рубежи.

Но – грянула так называемая перестройка. Далеко не все и не сразу поняли, что это было кодовое название плана разгрома нашей великой державы, превращения её в сырьевой придаток Запада.

Разведанные и оборудованные ещё при Советской власти нефтяные и газовые месторождения были отданы в не очень-то чистые руки никому до этого не известных дельцов и при постоянно растущих моровых ценах на горючее стали источниками баснословных доходов. Заводы и фабрики, не дающие такого же дохода, стали “планово” банкротиться и закрываться. О колхозах и говорить не приходится – какой большой бизнес-навар можно получить от выращивания хлеба?! И под красивым лозунгом “Отдать землю её хозяину!” колхозы были развалены или вовсе упразднены. И это было уже не какое-то очередное завихрение в жизни деревни, а настоящий тайфун, и, как прямое следствие этого, наша деревня нынче... – и язык отказывается выговаривать, и рука не хочет это страшное слово писать, но писать приходится – наша русская деревня в ы м и р а е т.

Многострадальная деревня наша столь много претерпела, что ей уже давно бы следовало поставить благодарный памятник. И один хороший русский поэт даже стихотворение написал, начинающееся словами:

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве...*

Другой собрат по перу, как бы продолжая “тему”, тоже с сердечной болью просит-умоляет:

*Не умирай, моё село –
Ведь ты, как “Слово” – в одном экземпляре...*

Сказано точно: лишь для равнодушного демократа или ретивого либерала – сёла на одну колодку, на самом же деле каждая, даже самая малая деревенька – уникальна.

Да. И сёла, и деревни наши продолжают вымирать. Город – если под городом разумеешь и наше нынешнее руководство – ничьих призывов и молений не слышит. И ничего не предпринимает, чтобы этот губительный процесс не то, чтобы решительно остановить, а хотя бы как-то притормозить.

И как бы в довершение этой пагубной политики было принято решение сменить герб нашего государства.

Не суть важно, кому первому пришла в голову эта бредовая идея. Важны и удивительны скрытность и молниеносность проведения этой противозаконной акции.

Вон в Париже, когда возникла необходимость центральный рынок города – “чрево Парижа” – перенести на одну из окраин – какие горячие эмоции, какие споры-разговоры это вызвало у парижан! И споры-разговоры эти продолжались более десяти лет. . .

А ведь герб – это не картинка супермаркета, а один из основополагающих символов государства, и решение, каким ему быть, тем паче должно приниматься не какой-то отдельной, пусть и стоящей у власти, личностью, а всенародно, то есть всем народом, живущим в государстве. Однако же ни референдума, ни даже примитивных, показушных дебатов на ТВ не было. Правда, тут приходится оговариваться: при нынешнем разгуле демократии – и референдум, увы, не выход из положения. Его результатами можно и пренебречь, как это было сделано беловежскими геростратами.

Герб сменили. И ладно бы на какой-то новый. Вместо серпа, молота и хлебных колосьев изобразили бы, скажем, горящие факелы нефтяных и газовых месторождений – чем не символы того, как успешно выкачиваются наши природные богатства?! Понизу можно бы ещё нарисовать большую трубу, по которой тот же газ идёт в Европу. Правда, более половины наших селян и по сей день не газифицировано, но это изображать на гербе и сложно, и во все не обязательно. . .

Однако же ломать голову над новым гербом не стали. Пошли по линии наименьшей затраты умственных и всяких иных либерально-демократических сил – вернули старый, царский, с двуглавым орлом. Вся советская эпоха как бы вычёркивалась из истории нашей Родины, орёл, который был в 1917 году низвергнут, нынче опять взлетел, воспарил.

Ну и в заключение я готов признаться, что ничего плохого в двуглавом орле я не видел и не вижу. За Россией давно уже, исторически, закрепилось звание евразийской державы, то есть расположенной аж в двух частях света. Друзей же у России всегда было немного, а недругов и открытых врагов – хоть отбавляй. И для того чтобы углядеть и за западной, и за азиатской частью, орлу на гербе вовсе не лишним было иметь не одну, а две головы, а также зоркое орлиное зрение. . .

Всё так. Но теперь-то, после приснопамятного и на веки вечные позорного Беловежского сговора – теперь-то зачем оживлять-воскрешать то, чего уже нет? Азиатскую часть России ополовинили, западная, от Балтики до Чёрного моря, тоже отпала, и теперь западная её граница проходит не в Бресте, а недалеко от Смоленска. Много ли смысла нынче двуглавному орлу озирать распотрошённую, обгрызанную с разных сторон державу?!